

§14 ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Сторчеус Н. В.

МИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ТВОРЧЕСТВЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БАДЕНСКОЙ ШКОЛЫ НЕОКАНТИАНСТВА

***Аннотация.** Объектом исследования является творческое наследие Ф.А. Степуна, С.И. Гессена, Б.В. Яковенко — русских представителей одного из влиятельных направлений в неокантианстве — Баденской школы, динамика взглядов которых составляет предмет исследования. Анализ философских идей «русских баденцев» дает отчетливую тенденцию иррационального расширения кантовского наследия мистикой. Указывается несомненное влияние на формирование мировоззрения Ф.А. Степуна, С.И. Гессена, Б.В. Яковенко романтизма и символизма, являвшихся характерной чертой той творческой атмосферы, в которой жила интеллектуальная элита российского общества на рубеже XIX–XX веков. Методология исследования предполагает комплексный историко-философский анализ имеющихся источников. Кроме того, были использованы методы: - индуктивный (от частных сюжетов — к общей картине) — биографический метод — исследование жизненной и идейной траектории авторов, воплощающаяся в личных документах, где находит свое выражение личное отношение к переживаемой и или пережитой общественной ситуации; - компаративный: осуществляется через сопоставление трудов мыслителей в рамках одной философской школы. — логический метод и общие принципы историко-философской науки: прослеживание генезиса идей, их взаимообусловленности и взаимосвязи. Проблемы национальной специфики философии, особенностей развития русской философии имеют характер несомненной актуальности. В данном исследовании они рассматриваются в аспекте одной из базовых антиномий философской мысли «мистицизм — рационализм», что делается впервые в отношении таких представителей Баденской школы неокантианства, как Ф.А. Степун, С.И. Гессен, Б.В. Яковенко и показаны пути иррационального расширения кантовского наследия мистикой на примере творческого наследия «русских баденцев».*

Ключевые слова: Баденская школа, мистицизм, иррациональное, Степун Ф. А., Гессен С. И., Яковенко Б. В., Андрей Белый, романтизм, символизм, В. Виндельбанд.

С 90-х годов прошлого века, когда появилась возможность у российского читателя познакомиться с творческим наследием Русского Зарубежья, сделано немало для его всестороннего, комплексного исследования. Но полномасштабная картина русского философствования ещё продолжает создаваться, для чего необходим постоянный анализ и оценка достижений русской философской мысли. Потому весьма актуальной остаётся область историко-философских исследований, в которую входит изучение русского неокантианства в аспекте рецепции отечественной мыслью достижений мировой философии. В России начала XX века весьма влиятельными в области описания научного знания были две неокантианские школы — Марбургская и Баденская. Последняя и является объектом нашего интереса.

Баденская школа неокантианства в лице отцов-основателей направления В. Виндельбанда и Г. Риккерта сосредоточивают свой интерес на методологических проблемах исторического знания и философии культуры. Именно Бадену принадлежит идея описания научной среды как теории ценностного освоения. Виндельбанд, кроме того известен также как историк философии.

Тема мистики в рамках русского баденского неокантианства представляется вполне уместной. Сам Кант, рассуждая о практическом разуме, сравнивая эмпиризм и мистицизм, отдаёт предпочтение последнему, поскольку тот «все-таки еще согласуется с чистотой и возвышенным характером морального закона»¹, а неокантианец Г. Риккерт считает мистику одной из шести областей ценностей, наряду с логикой, эстетикой, этикой, эротикой и философией религии. «В России мистические идеи, густо роившиеся в гуманитарном пространстве, оказывали свое разъедающее действие и в ситуации социального кризиса привели многих бывших своих противников-критицистов на позиции религи-

озной метафизики»² Об этом предупреждал своих учеников и Виндельбанд, об этом говорит и Ф. А. Степун — один из ярких представителей «русских баденцев».

Почти все логосовцы отошли с позиций неокантианства на позиции романтики и мистики. Из интересующей нас группы только Яковенко старался быть верным установкам на строгую научность (продолжал отстаивать критическую позицию, которую сформулировал в юности), но... «мистическая составляющая концепции Яковенко связана с необходимостью максимального самозабывания Я, парализованности сознания, позволяющей непосредственность мировосприятия, скептическая ее компонента означает антидогматизм, критику всякого теоретического и дотеоретического познания, определение его предметной оформленности мнимым знанием. Обе эти компоненты в результате дают иллюзию бытия и познания»³

К мистике и славянофильскому романтизму пришёл и Степун. Если вспомнить о том, что у Канта установление границ рационального познания проходит через осознание принципиальной субъективности человеческого познания, что иррациональное составляет фон рациональных конструкций бытия как непостижимое, но, возможно, доступное уяснению через преобразование разума, переходу его на качественно новую ступень бытия, такая динамика станет понятной. Да и артистическая натура Степуна, несмотря на изначальное стремление рационализировать русскую мысль, никак не могла оставить без

¹ Кант И. Собрание сочинений в 8 т. Т. 4, Издательство Чоро. М.: 1994. С.458.

² Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 512 с. Серия «Humanitas». С 156.

³ Ю. Б. Мелих. Плюралистический большевизм Б. В. Яковенко: между научностью и убежденностью (Из истории социально-политических идей в России) // Борис Валентинович Яковенко/под ред. А. А. Ермичева. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 551 с ил. — (Философия России первой половины XX века. С. 439.

внимания иррациональные, «переживательные» формы постижения мира.

Мировоззрение Степуна складывалось под влиянием творчества Вл. Соловьёва. Софиология, соборность, идеал «цельного знания», культ вечной женственности — темы, которые волновали также и молодое поколение символистов в первые годы двадцатого века. Им была близка соловьёвская обращённость к незримому, «несказанному», как истинному источнику бытия. Но со временем Степун приходит к необходимости сделать выбор между Соловьёвым и Розановым в пользу последнего.

Российский символизм унаследовал основные черты западного, правда, несколько подкорректировав его. Представители этого направления, продолжившего и развившего идеи и творческие принципы немецких романтиков, — А. Белый, А. Блок, В. Соловьёв и, конечно, не только они: символизм, как мировоззренческое направление, как реакция на материализм, позитивизм и реализм в европейской культуре, охватывал самые широкие круги интеллектуальной элиты общества. С этими именами связан новаторский этап русского символизма. «Центром» символизма принято считать «башню» Вячеслава Иванова — его квартиру, где бывали Н. Бердяев, А. В. Луначарский, А. Ахматова; «в его <...> квартире всегда собиралось великое число самого разнообразного народа и бесконечно длилась, сквозь дни и ночи, постоянно менявшая свой предмет, но никогда не покидавшая своей верховной темы беседа»¹ Самого Иванова, человека редкой эрудиции, называли «русским Ницше». Его творчество — попытка воплотить символистскую мечту о синтезе культур, соединить соловьёвство, обновлённое христианство и эллинское мировосприятие. Степун говорит о нём так: «единственное в своём роде сочетание и примирение славянофильства и западничества, язычества и христианства, философии и поэзии, филологии и музыки, архаики и публицистики»²

¹ Степун Ф. А. Встречи. М.: Аграф, 1998. С.122.

² Там же. С. 121.

На рубеже веков наука развивается семимильными шагами, но научная картина мира не восполняет возникающих в общественном сознании пустот, а все новые и новые открытия жестко свидетельствуют о глубине предшествовавшего незнания. Сознание ошибочности и неполноты требует поиска новых путей постижения действительности. Творческое познание, по мысли символистов, лишено недостатков науки, базирующейся на сумме погрешностей. Символ — есть единство, следовательно, символизм (предлагающий путь творческого откровения) обеспечивает целостное представление о реальности. Смена веков всегда демонстрирует и рост эсхатологических и мистических настроений в обществе. Вот и Серебряный век, начало которого знаменует зарождение символизма в России, характеризуется глубочайшей религиозной впечатлительностью, причиной которой было ощущение исчерпанности традиционного верования. Это время поиска абсолютных ценностей, время эсхатологических предчувствий, ожидание гибели цивилизации, «заката Европы».

Теоретической основой символизма были работы не только Ф. Ницше, А. Бергсона, А. Шопенгауэра, но и неокантианцев. К началу 1900 годов русский символизм имел и серьёзную издательскую базу. Такой базой были, например, «Мусaget» и «Шиповник». Недолго здравствовавший символизм дал начало модернистским течениям 20 века.

Рубеж 19–20 веков представлен широким спектром философских школ и направлений. К 80-м годам мистицизм и спиритизм оттеснили с центральной позиции позитивизм и марксизм. Сосуществование столь разных направлений продолжилось и в 20 веке. С. Гессен пишет об этом так: «Последнее же слово, которое он (критический эмпиризм) ещё считает себя в праве произнести, — это призыв к мистике. Устраняя метафизические предрассудки, он парадоксальным образом расчищает путь именно к ней»³ И позже: «Одной из самых характерных черт современного развития философии является сочетание в ней

³ Гессен С. Об индивидуальной причинности. Цитируется по: Дмитриева Н. Философия как наука и мировоззрение: к вопросу о пацифизме в немецком и русском неокантианстве // Логос, № 2 (92), 2013. С. 141.

двух, казалось бы совершенно исключаящих друг друга тенденций. С одной стороны мы присутствуем при крайнем напряжении рационалистической тенденции <...> С другой стороны, однако, продолжается тенденция, <...> заключающаяся в ведении в философию иррационального момента <...> иррациональный момент даёт знать о себе и у таких серьёзных и характерных для современного состояния философии мыслителей, как Гуссерль и Риккерт, в философии которого понятие «иррациональной действительности» и «иррационального содержания» играет такую большую роль»¹. Иррациональная интуиция — первооснова для творчества символистов.

Романтизм сам по себе односторонен, и Степун понимал, что его надо с чем-то сочетать, т. е. был разумным романтиком.

Центральными фигурами для Степуна видятся Вяч. Иванов, и А. Белый, он мыслит их как противоречивые и отдаёт предпочтение Иванову, хотя сам многое берет у Белого и гораздо ближе к нему. Очень показательны его статьи памяти этих авторов: «Вячеслав Иванов» «Свет вечерний» Вячеслава Иванова, «Историософское и политическое мирозерцание Александра Блока», «Памяти Андрея Белого» и др. В одной из этих статей Ф. А. Степун однозначно позиционирует В. Иванова как представителя религиозно-философской мысли русского символизма и излагает ивановское понимание символа, который не есть знак какой-либо статичной идеи, но знак противоборства в знаменуемом им предмете.

Интересный вариант символизма разработан Андреем Белым. Он считал, что символизм полноценно реализовал себя только в искусстве. Как мировоззрение, мирозерцание, символизм — дело будущего. Художественный символизм — единство и равноправие формы и содержания в отличие от романтизма, где форма зависит от содержания. Символизм устраняет эту зависимость. Основной задачей символического искусства является комбинация всех культур и мирозерцаний в целях наиболее полного охвата жизни. Одно из главных понятий этого направления — Символ,

под которым Андрей Белый понимает некое запредельное смысловое начало. Символ отождествляется с Логосом; понятие символ — путь к Символу, то, в чем он раскрывается. В целом, проповеднический характер творчества, сильная религиозная составляющая, отличительная черта А. Белого. Но также такой чертой можно назвать и ощущение глобального кризиса культуры. «Все главные темы поэта и романиста Белого суть темы взрыва культуры, взрыва памяти, взрыва преемственной жизни...»² Есть мнение, что характеристику, данную Степуном Андрею Белому, — «Наиболее характерной чертой внутреннего мира А. Белого представляется мне его абсолютная безбрежность. Белый всю жизнь носился по океанским далям своего собственного Я, не находя берега, к которому можно было бы причалить <...> в творчестве Белого нету тверди...»³ — можно отнести и к самому Степуноу.

Как говорилось выше, с особым пристрастием Фёдор Августович первоначально относился к идеям Вл. Соловьёва. Однако впоследствии творчество Василия Розанова охладил его пыл: здесь Степун обнаружил новый тип философствования, другой взгляд на Бога и мир, язычество и христианство, пол, семью и т. д. Розанов критиковал христианство, противопоставляя Ветхий Завет, как религию семени и чадородия, Новому Завету, как религии аскетизма и монашества («Темный лик. Метафизика христианства», 1911 г.). Сложно отнести Розанова к символистам, однако парадоксальность его творчества, мистицизм сближает мыслителя с ними, не говоря уже о том влиянии, которое оказали его книги на многие умы современной ему России.

Как для романтиков, так и для символистов, наследовавших им, чрезвычайно притягательно все таинственное, несказанное («поэзия без слов», несказанность человеческих мыслей и чувств: их нельзя изобразить, их можно только навеять).⁴ Тайна заманчива

¹ Гессен С. И. Избранные сочинения. — М.: РОССПЭН, 1998. С. 31.

² Степун Ф. А. Встречи. М.: Аграф, 1998. С. 175.

³ Там же. С. 160.

⁴ Как образно выражается Степун — «мистическая муть петербургской блоковщины» (Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Изд-е второе, испр. СПб., 2000 С. 251.)

и для Степуна. Вот как он описывает переживание: «Душа смотрит в тёмную даль и не знает, чья эта глубина: ея или мира? Наконец, отзывается она на какой-то тайный призыв»¹ Это признание за пределами познаваемости в душе «тёмного центра» созвучно тому выводу, который вытекает из исследований З. Фрейда: есть некая таинственная область в сознании человека, которая не только не подвластна влиянию извне, но которая сама влияет на человеческую жизнь. Воистину, не мыслитель рождает идею — идея сама находит родителей, когда приходит её время.

Последняя крупная работа Степуна, вышедшая в 1964 году, — «Мистическое мировоззрение. Пять образов русского символизма», не так давно переведенная на русский язык и вышедшая в 2012 году в издательстве «Владимир Даль». В одном из своих писем Г. И. Газданову (25 апреля 1964 года, Мюнхен). Степун об этой книге писал так: «... я заполнил пустое место, зиявшее в истории русской литературы... писал я с большим напряжением, иногда с восторгом, иногда с глубокой печалью в сердце»²

Выученик немецких романтиков и сам немного мистик, Степун рассматривает мистицизм как основополагающий момент русского мировоззрения.³ Гессен поддерживает эту точку зрения и утверждает, что мистицизм — вид метафизики, возникающий на границе, отделяющей область философии и культуры от сферы иррационального переживания.⁴

Кроме того, Гессен приводит и такое определение: это философские построения, которые провозглашают исключительное господство иррационального начала в мире,

¹ Степун Ф. А. Жизнь и творчество // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. Кн. 3,4. Издательство Мусaget. Москва, 1913. С. 85

² Книга «Мистическое мировоззрение» о Соловьеве, Н. Бердяеве, Вяч. Иванове, А. Белом, А. Блоке. Вышла в 1964 году в Мюнхене.

³ Степун Ф. А. Жизнь и творчество // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. Кн. 3,4. Издательство Мусaget. Москва, 1913. С. 86

⁴ Гессен С. И. Избранные сочинения. — М.: РОССПЭН, 1998. С. 54.

доступного совершенно особому, отличному от обычного нашего абстрактного или дискурсивного мышления интуитивному познанию⁵ Основа всякого мистицизма — переживание. Гессен выводит четыре типа переживаний:

- способ «освоения» факта истории как реализации ценностей; не подходит философии, поскольку лежит вне ее «сферы ответственности».

- способ «последнего решения» проблемы; также не свойственен философии, поскольку она лишь сводит, обобщает, концентрирует проблему, но не дает «последнего решения».

- процесс, объектом которого является вера; как готовность принять что-либо в качестве истинного, минуя суждения и доказательства, вера также не имеет общего с философией, разве только в аспекте «как возможна?».

- способ преодоления пропасти между абсолютной формой и относительным, меняющимся содержанием. Философия — область формальных предпосылок (форм), которые «делают возможными» законы частных наук (относительное содержание). Момент перетекания, считает Гессен, от формы к содержанию можно только пережить, принять во всей ее (пропасти между ф. и с.) фактической иррациональности.

Все четыре определения, по мнению Гессена — стороны одной и той же проблемы: как абсолютное проявляется в относительном, вневременное во временном, бесконечное в конечном? Эта проблема — основная для мистицизма, который Гессен называет метафизическим, подразумевая стремление мистицизма рационализировать, передать в понятиях сущность иррационального.

Обозначим типы мистицизма по Гессену. Самые мистические:

1. Теории эманации, выводящие рациональное из иррационального. Следовательно, иррациональное не совсем таковым является, поскольку содержат в себе рациональное. В качестве примера — Спиноза, который

⁵ Там же. С. 32.

из бесконечной субстанции выводит бесконечные и конечные модусы, расположенные в двух атрибутах.

2. Теории процесса возвращения конечной души в бесконечное лоно иррациональной сущности, метод постепенного решения проблем посредством достижения все большей и большей мудрости, которая даётся полнотой иррациональных и субъективных переживаний, на высшей своей ступени — погружение в лоно абсолютной божественной мудрости.

3. Менее мистические — вводящие понятие объективно-существующей высшей силы, гарантирующие осуществление и понимание нами абсолютных ценностей. Например, Бог Декарта или Беркли, Абсолютный дух Гегеля.

4. Теории рационалистические, призванные преодолеть дуализм формы и содержания рациональным путем. Остатки такого рационализма Гессен видит у Канта, который пытался придать религиозно-философским рассуждениям характер практического доказательства бытия Божия. А также эмпиризм, который заставил Джемса (очень популярного психолога — современника Гессена, на которого часто ссылаются) к попытке свести многообразный религиозный опыт в единообразное, объединить различные конкретные религиозные верования. Оба типа теорий нарушают «границеположения», «заставляя» философию заниматься не своим предметом.

В условиях кризиса общественной жизни (и это ярко проявилось в 90-е годы прош-

лого столетия, да и сейчас, пожалуй, тоже, но в меньшей степени) получают распространения системы внеконфессиональной мистики (теософия и антропософия), эзотерика, эсхатологические мотивы в околоинтеллигентских кругах. Но и даже таким сугубо рациональным направлениям, как неопозитивизм мистические мотивы присущи, что интерпретируется в высказываниях Витгенштейна как род «апофатической мистики».

Все мистические доктрины имеют общие черты: они тяготеют к иррационализму, интуитивизму, намеренной парадоксальности. Они выражают себя не столько на языке понятий, сколько на языке символов, центральный из которых — смерть как знак для опыта, разрушающего прежние структуры сознания.¹

Культурно-эстетические концепции символистов и неокантианцев (в лице Ф. А. Степуна) совпадают в точке переживания и рефлексии творческого сознания над основаниями культуры как онтологическими основаниями Бытия: «... культура оказывается местом пересечения и встречи вчера ещё отдельных течений мысли; эстетика здесь встречается с философией, <...> более пристальный взгляд на вопросы культуры превратил самоё культуру в вопрос; разрешение этого вопроса не может не внести переоценки в постановку вопросов философии, искусства и религии»²

Итак, логосовцы демонстрируют иррациональное расширение Канта мистикой.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белый А. Символизм как миропонимание/Сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. – М.: Республика, 1994.
2. Гессен С. Об индивидуальной причинности. Цитируется по: Дмитриева Н. Философия как наука и мировоззрение: к вопросу о пацифизме в немецком и русском неокантианстве Логос, № 2 (92), 2013.
3. Гессен С.И. Избранные сочинения. – М.: РОССПЭН, 1998.
4. Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.–512 с. Серия «Humanitas».
5. Кант И. Собрание сочинений в 8 т. Т.4, Издательство Чоро, М.: 1994.

¹ См ст. Мистика /Новая философская энциклопедия.

² Белый А. Символизм как миропонимание/Сост., вступ. ст. и прим. Л. А. Сугай. — М.: Республика, 1994. С.18

6. Мелих Ю. Б. Лик и лицо Ф. А. Степуна. М.: 2009
7. Мелих Ю.Б. Иррациональное расширение философии Г.Ф.В. Гегеля и И. Канта в России// Вестник МГТУ, том 14, № 2, 2011. С. 330–336.
8. Мистика /Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. — М.: Мысль, 2000—2001.
9. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1990.
10. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. Изд-е второе, испр. СПб., 2000
11. Степун Ф.А. Встречи. М.: Аграф, 1998.
12. Степун ф.А. Жизнь и творчество//Логос. Международный ежегодник по философии культуры. Кн. 3,4. Книгоиздательство Мусaget. М.: 1913.
13. Хренов Н. А. Русское искусство рубежа XIX–XX веков и его роль в культурном синтезе Запада и Востока // Культура и искусство.–2012.–2.
14. Хренов Н. А. Синтез Запада и Востока как культурологическая проблема // Культура и искусство.–2012.–1.–С. 18–27.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Belyi A. Simvolizm kak miroponimanie/Sost., vstup. st. i prim. L.A. Sugai. – М.: Respublika, 1994.
2. Gessen S. Ob individual'noi prichinnosti. Tsitiruetsya po: Dmitrieva N. Filosofiya kak nauka i mirovozzrenie: k voprosu o patsifizme v nemetskom i russkom neokantianstve Logos, № 2 (92), 2013.
3. Gessen S.I. Izbrannye sochineniya. – М.: ROSSPEN, 1998.
4. Dmitrieva N. A. Russkoe neokantianstvo: «Marburg» v Rossii. Istoriko–filosofskie ocherki. М.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007.–512 s. Seriya «Humanitas».
5. Kant I. Sobranie sochinenii v 8 t. T.4, Izdatel'stvo Choro, М.: 1994.
6. Melikh Yu. B. Lik i litso F. A. Stepuna. М.: 2009
7. Melikh Yu.B. Irratsional'noe rasshirenie filosofii G.F.V. Gegelya i I. Kanta v Rossii//Vestnik MGTU, tom 14, № 2, 2011. S. 330–336.
8. Mistika /Novaya filosofskaya entsiklopediya : v 4 t. / In–t filosofii RAN; Nats. obshchestv.–nauch. fond; Preds. nauchno–red. soveta V.S. Stepin. — М.: Mysl', 2000—2001.
9. Solov'ev V.S. Sochineniya v 2 t. – М.: Mysl', 1990.
10. Stepun F.A. Byvshee i nesbyvsheesya. Izd–e vtoroe, ispr. SPb., 2000
11. Stepun F.A. Vstrechi. М.: Agraf, 1998.
12. Stepun f.A. Zhizn' i tvorchestvo//Logos. Mezhdunarodnyi ezhegodnik po filosofii kul'tury. Кн. 3,4. Knigoizdatel'stvo Musaget. М.: 1913.
13. Khrenov N. A. Russkoe iskusstvo rubezha KhIKh–KhKh vekov i ego rol' v kul'turnom sinteze Zapada i Vostoka // Kul'tura i iskusstvo.–2012.–2.
14. Khrenov N. A. Sintez Zapada i Vostoka kak kul'turologicheskaya problema // Kul'tura i iskusstvo.–2012.–1.–С. 18–27.